

ВЕСЕЛЫЕ ПОХОРОНЫ

Максову бабушку хоронили весело. По крайней мере, для нас, еще относительно молодых, это мероприятие отнюдь не было грустным. Нет, мы соблюдали приличия и если и смеялись, то вдали от родственников.

Макс любил бабушку. Больше того, он ухаживал за ней последние несколько лет, когда она впала в немного отстраненное от этого мира состояние. Но он хохотал и хохмил вместе с нами. Он не знал, что в его семье начинается череда смертей, в цепи которых будет и его смерть. И на его похоронах никто из нас смеяться уже не будет.

А тогда мы были молоды и жизнь была в нас с неукротимостью гейзеров.

Пока шло отпевание в церкви, перестроенной из здания ДОСААФ, мы стояли на улице.

- Хорошая колокольня.
- Жаль, невысокая.
- Очень жаль.
- Была б повыше, можно было бы прыгать с нее.
- Привязать резинку к ногам и вниз.
- Атракцион «Почувствуй себя ангелом».
- Нырнешь вниз, говоришь прихожанке: «Привет».
- Осеняешь ее крестом, целуешь в лоб и уходишь обратно в небо.

Мы стояли в стороне от храма, и звуки наших голосов не были слышны там. Разве что мимика и телодвижения выдавали суть нашего диалога.

Мы вообще тогда много смеялись.

У Макса были усы, как у Махно на известной фотографии, и девушки его обожали.

Поминки прошли тихо.

Впрочем, мы досидели только до половины.

– Сегодня в «Современнике» выступает Сухоруков. Начало через 15 минут, – сказал кто-то.

Мы попрощались и отправились на Сухорукова.

Полгода назад вышел фильм «Брат-2», побивший все рекорды популярности, и публика забила зал кинотеатра до отказа.

Сухоруков на сцене производил впечатление очень застенчивого человека. В отличие от большинства его киногероев.

В паузах его монолога мы выкрикивали «Вот уроды!» и «Русские не сдаются!». Зал смеялся, Сухоруков стеснялся и даже немного краснел. Вскоре мы решили, что здесь так же скучно, как на поминках, и покинули зал. Выходя из зала, я послал всем оставшимся воздушный поцелуй. Через два дня, зайдя по работе к нашим девушкам-переводчицам, все молодые, до тридцати, я заметил, что они смеются и почти не скрывают это. Я связал это с нашим демаршем на выступлении Сухорукова.

Мы гуляли до самой ночи. Смеялись уже, не смущаясь ничем.

Через год у Макса умерла мама, через два – муж его сестры. Через десять умер сам Макс. Замерз в снегу.

Но мы, оставшиеся, когда встречаемся, все так же много смеемся.

РАССКАЗ

Костя Заяц, лысеющий молодой человек лет двадцати семи, страстный любитель литературы, решил написать рассказ. Он вообще-то уже давно хотел что-нибудь написать, но все как-то не представлялся случай. В наличии у себя таланта наш герой не сомневался, а тут еще все так удачно совпало: мама и папа уехали на дачу (Костя, несмотря на возраст, жил с родителями), на столе нашлись три чистых листа бумаги и авторучка. Не написать в такой обстановке что-нибудь короткое и пронзительное казалось невозможным.

– Братся сразу за что-нибудь глобальное, вроде романа, пока не стоит. Сначала надо размять руку на вещах помельче. Двух-трех рассказов будет вполне достаточно, – решил он и задумался.

Но задумался отчего-то не о рассказах, а о романе. Ему привиделось, как он напишет мощный, словно бедро американского бройлера, невероятно сложный по смыслу, но легкий в прочтении текст, с закрученной интригой, психологически выверенными характерами героев, многие из которых станут со временем именами нарицательными вроде Плюшкина или Обломова.

– Да, – произнес он вслух. – Это будет масштабное полотно. С легкой постмодернистской игрой, но вместе с тем совершенно реалистичное.

А потом... Слава, деньги, волоокие поклонницы, дружба с первыми людьми литературной России –

Быковым, Прилепиным... В голове его пронеслись обрывки речи на вручении большой и очень престижной премии. «В наше время измельчавших душ и крохотных поступков», «видит бог, я не стремился к успеху», «ежедневный каторжный труд», «история России, пропущенная через плоть и кровь, мою плоть и кровь», «беспристрастные глаза потомков»...

– Это будет вещь посильнее фаустпатрона, – прикинул он. – Впрочем, не надо отвлекаться...

Он с неохотой вернулся из своего великого будущего в неопределенное настоящее. Лучи софитов погасли, на ухо Косте села моль. Он согнал насекомое, несколько раз безуспешно хлопнул в ладоши, пытаясь убить зловерное существо, и посмотрел на лист бумаги. Тот оставался все так же безукоризненно чист. Костя щелчком сбил с уголка невидимую миру соринку и вздохнул. Мысль не шла.

За стеной послышались спотыкающиеся звуки пианино, по улице с ревом пронесся мотоцикл.

– Новый асфальт положили, вот и гоняют, скоты, – охотно отвлекся он. – Рассказ, рассказ... О чем бы написать? Прежде всего – сюжет. Сюжет – основа, скелет, кости.

Лучше всего было бы описать какое-нибудь реальное событие или происшествие. Не очень значительное само по себе, но способное отразить

Правда превыше всего!
Пусть даже для этого
придется быть жестоким.
Писатель – он ведь тот
же хирург. Делает душе
больно, чтобы спасти ее.

большие вопросы. На память пришло, как он был на похоронах двоюродной тети.

– Сюжет? Несомненно. Больше того, вечный сюжет!

Он вспомнил, как душно было в церкви, как плакал и хватался за край гроба муж покойной, старик с большими оттопыренными ушами и лицом, похожим на комок смятой оберточной бумаги. С другой стороны, хорошо ли описывать родственников, подумалось ему. Он успокоил себя тем, что Чехов и Гоголь не боялись выставлять своих знакомых в смешном свете, значит, и ему бояться не стоит. Правда превыше всего! Пусть даже для этого придется быть жестоким. Писатель – он ведь тот же хирург. Делает душе больно, чтобы спасти ее. Костя уже занес ручку, и тут возникли первые трудности. А ведь писать – то особо и не о чем, понял он. Ну, поплакал старик, ну, закопали тетю. Выпили на поминках по три рюмки водки и разъехались кто куда. Он сделал над собой волевое усилие и придумал первую фразу: «Похороны – дело неприятное, но необходимое. Как точка в конце предложения». Дальше дело снова застопорилось. Костя долго и яростно чесал авторучкой голову, пока не заметил, что не убрал стержень. «Хорошо хоть, под волосами не видно», – подумал он. Костя обманывал себя, волос у него, несмотря на молодость, было не так уж и много, и следы ручки ярко сияли на его лбу и «тонзуре». «Нет, похороны – тема сильная, благодатная. Есть простор для демонстрации сурового и спокойного отношения к главным вопросам бытия – жизни и смерти». Но разгуляться по этому простору у Кости отчего-то не получалось. Едва ручка приближалась к бумаге, как пространства съезжались до ширины прохода в плацкартном вагоне. В воздухе ощутимо запахло жареными курами, «Дошираком» и несвежими носками.

За окном со звуком, похожим на визг циркулярной пилы, снова пронесся мотоцикл.

– Скоты, какие же скоты... – пробормотал Костя, приподымаясь и с тоской вглядываясь в окно. – Понакупают драндулетов на папенькины деньги и носятся, думают, крутые!..

Он представил, сколько может стоить такой драндулет, и мысли его снова вернулись к премии.

«Интересно, а что Быков или Прилепин со своими премиями делают? Ну уж точно не мотоциклы покупают. Во всяком случае, не Быков. Он разве что на пианино в детстве играть учился. А вот Прилепин мог бы байк купить. Захар такой, ничего себе... Брутальный, в ОМОНе служил. И проза у него тоже... Брутальная, омовская. Моя же будет не такая...»

Костя представил себе нечто невероятно глубокое и мудрое, как священные тексты, и даже засмеялся от удовольствия.

– Именно! Как священные тексты исчезнувшей цивилизации! Что-то вроде Павича.

Он радостно потер ручки и взбрыкнул под столом ногами.

– Однако внимательный и интеллектуальный читатель найдет там невероятно смешные конструкции. Хорошие критики, а их будет немного, хороших критиков всегда немного, назовут это «отстраненным юмором Демиурга».

Эта фраза так ему понравилась, что он решил ее записать, но тут за стеной с такой силой ударили по клавишам, что от обоев отклеился угол плаката игры «Мах Rain 3» и повис зачехшим лопухом.

– Свиненок! – крикнул, подскочив от неожиданности, Костя. – Руки бы тебе оторвать!

Ответом ему была новая серия ударов, от которой отклеились еще два угла, и плакат стал похожим на подвешенного за ногу человека. Костя с минуты смотрел на стену немигающими глазами, потом заткнул уши и вернулся к рассказу.

Определенно, все складывалось как-то неправильно. Костя был уверен, что стоит ему взяться за перо, как строки сами потекут на бумагу, только успевай записывать. Пока же «потный вал вдохновения» отчего-то избегал его, словно зачумленного.

– Ну, правильно, у Быкова с Прилепиным всякие свинята над ухом фашистские марши не разучивают, – пробурчал он.

Ему представился пентхаус на последнем этаже элитной московской башни, стоящий у высокого полукруглого окна Быков, взирающий в полной тишине на широкий, как Волга, проспект. По проспекту несутся разноцветные иномарки, чиновники с мигал-

ками вылетают на встречи и вдребезги разбивают машины простых смертных, кавказцы устраивают перестрелки, ОМОН набивает автозаки протестным электродотом... Писатель хмурит лоб, в его пентхаусе все та же мягкая обволакивающая тишина.

– Конечно, еще бы ему не писать! – фыркнул он. – Умеют некоторые устроиться в этой жизни.

Прямо под Костиным окном остановилась машина с гулко ухающими басами. Косте показалось, что кто-то с размаху принялся колотить его по лбу надутым резиновым шаром.

– Невозможно работать, былдо кругом!

Он походил по комнате, раздраженно потер изрированную макушку.

– Рассказ, рассказ, черт бы его побрал...

Костя вспомнил, как в институте качал из интернета курсовые работы.

– Хорошо бы и рассказы также с нета качать, – размечтался он. – Чуть подправил, чтобы не очень похоже было – и, пожалуйста, премия Юрия Казакова в кармане. Нда... Шутки шутками, а работа стоит.

Он вспомнил, что Хемингуэй писал свои рассказы, сидя в парижском кафе и попивая коньяк. Бутылки коньяка хватало на один рассказ. Опыт – великая вещь. Опыт великих – вещь великая вдвойне. Бутылка коньяка у Кости была. Он прятал ее за диваном, мама не любила пьянства.

На этикетке могучий орел широко раскинул крылья и раскрыл рот, словно обещая одним махом перенести Костю в страну неиссякаемого вдохновения и огромных, как Эльбрус, премий.

Костя налил рюмку, выпил, поморщился и закусил шоколадкой.

– Интересно, Хемингуэй морщился от коньяка? Вряд ли. У него все-таки французский был, а не дагестанский за триста рублей.

Он снова оглядел чистый лист. Посередине белого поля темнела капля продукта кавказского происхождения.

– Это... Хороший знак. Все великие русские писатели были связаны с Кавказом. Пушкин, Лермонтов, Толстой... Даже Прилепин там вроде побывал. Определенно хороший знак.

Подобные мысли добавили ему бодрости, и он выпил еще рюмку. Оказалось, коньяк действительно оживляет воображение. Костя в пять минут сочинил в голове речь на случай вручения премии и даже придумал несколько изумительно остроумных ответов на каверзные вопросы недоброжелательных журналистов. И речь, и ответы стояли перед его мысленным взором реальные, будто отлитые в гра-

ните. Поздравив себя со столь масштабной творческой удачей, он выпил еще, потом еще...

На краешке погрузившегося в эйфорию Костиного сознания мелькнула мысль о ненаписанном рассказе, но она показалась столь мелкой и ничтожной, что он не удостоил ее вниманием. В голове его пронеслись потрясающие образы и невероятные сюжеты. Костя упивался их созерцанием и коньяком...

Он проснулся на бледном рассвете. Голова болела невыносимо. Во рту было скверно, как в старом бомжатнике. Немного подташнивало и очень хотелось сползти под стол. Перед Костей лежал заляпанный шоколадными отпечатками пальцев и залитый коньяком лист бумаги. К углу его прилипла дохлая моль. Посередине, неровными буквами, похожими на хоровод тараканов-инвалидов, было написано «ГДЕ МОЙ УСПЕХ????????!!!!!!!».

От напряжения, вызванного разглядыванием надписи, Костю замутило, и пока он, шатаясь, трусил к туалету, в голове его несвежим утопленничком всплыла фраза: «Это уже не рассказ. Это инсталляция какая-то получается. А с инсталляциями к Гельману надо».

В туалете Костю стошнило.

